

ЕВГЕНИЙ СУИМЕНКО,

доктор философских наук, главный научный
сотрудник отдела экономической социологии
Института социологии НАН Украины

Социальный и индивидуальный способы материально-производственной жизнедеятельности людей

Abstract

The author of the article raises and solves the question about social statuses and roles as well as connected with them psychic qualities of human beings needed for individual (“individuating”) and social (“sociative”) ways of material and productive life activity. Recently only the economists have been studying these ways of human activity in the aspects of individual and group (cooperative) work activity. In the author’s opinion, such an approach based on requirements of the economics as a science is inadequate while human element rising in significance in the process of production, labor is being humanized and transformed to a terminal value. From the sociological point of view the author thoroughly analyzes genetic roots of material and productive life activity ways, their advantages and drawbacks, dialectic interrelation as well as cyclic character of the material production development .

*Без эгоизма у тебя не будет головы,
без коммунизма — сердца.*

Людвиг Фейербах

Общественное производство, составляющее основу всех иных сфер человеческой жизнедеятельности, осуществляется субъектами двоякого рода — либо отдельными, обособленными индивидами, либо их общностями (группами, коллективами, кооперациями). Это столь же очевидно, как и банальная истина относительно того, что целое состоит из отдельных частей и предполагает различные уровни их субординации. В соотношении понятий “индивидуальное — социальное”, “индивидуалистическое — коллективистское” неясностей не существует: при всех смысловых нюансах и вариациях они однозначно фиксируют различие конечных эффектов нерасчлененного целого и совокупности отдельных его суверенных частей. Люди всегда

трудятся и трудятся сообща, вследствие чего их труд в конечном счете носит общественный характер. Это положение известно и бесспорно. Но бесспорно и другое — положение о том, что общественный характер труда и производства может быть непосредственным и опосредованным. Применительно к производственному процессу это означает, что либо одну и ту же деятельность люди выполняют сообща, объединяя свои трудовые усилия — и тогда этот процесс носит *непосредственно* общественный характер, либо осуществляют ее индивидуально, обособленно, обмениваясь своим трудом и его результатами — и тогда этот процесс носит *опосредованно* общественный характер.

В приведенных положениях, хотя и присутствуют понятия общественного, совместного, коллективного труда и труда индивидуального, обособленного, единичного, но тем не менее все человечески-личностное богатство содержания того и другого аннигилировано, кроме экономической его составляющей — труда как субстанции стоимости и его вещественного результата, что сегодня никак не может удовлетворять ни эконом-социолога, ни социального экономиста. “Закрытый” ранее для науки вопрос о том, *какие социальные статусы и роли, какие психологические, личностные и, наконец, моральные свойства востребуются в процессе совместной, коллективной деятельности и какие из этих свойств являются необходимыми (и почему) для выполнения индивидуальной, обособленной деятельности*, сегодня становится “открытым”. Открытым для поисков и решений, вследствие чего появилась надобность в некоторых новых терминах, или понятиях, — таких как *социация* и *индивидуация*¹. Эти понятия, на целесообразности введения которых в аппарат науки автор не настаивает, в определенной мере призваны компенсировать отсутствие в научной литературе понятия личностного (деятельностного) механизма материально-производственного процесса в социологическом его (процесса) анализе. Социация и индивидуация, *социативный* и *индивидуативный* (а еще, ближе и понятней, социальный и индивидуальный, или экономический) способы материально-производственной деятельности людей различаются между собой по соотношению личностного и вещественного содержания всей совокупности операций и приемов организации и выполнения этой деятельности как общественно необходимого труда, а главное — эти понятия отвечают на вопрос: какие субъективные качества человека востребуются в условиях выполнения им деятельности (работы) индивидуальным способом и какие — в случае коллективно-группового. Внутренний, человечески-субъективный и вещно-инструментальный смысл этих понятий может быть прояснен на таком простом примере.

---

¹ Насколько мне известно, термин “социация” был впервые употреблен Г.Зиммелем, который понимал его в смысле сплочения, консолидации в качестве одной из сторон или форм взаимодействия индивидов [1, с. 23]. В 1988 году этому термину мной был предложен его антонимический аналог — “индивидуация” [2, с. 25]. З.Бауман приписывает авторство этого неологизма Ульриху Беку, в трактовке которого он означает “практическую способность самоутверждения” [3, с. 60]. Таким образом, различие значений одного и того же слова свидетельствует о его понятийной несформированности или, по крайней мере, многозначности.

Представьте себе ситуацию:

Некто во времена оны на узкой горной тропе встретил сорвавшийся с высоты громадный камень, преградивший ему путь. Путник шел по важному делу и возвращаться назад ему никак было нельзя. Что делать? Было два выхода, два способа решения проблемы: либо возвратиться и призвать на помощь сородичей, либо придумать выход самому. Выбор из этих двух способов решения проблемы определялся как ситуативным фактором (временем на дорогу и на поиски готовых помочь сородичей), так и внутренним, субъективным фактором (установкой на самостоятельность, собственные силы и сообразительность: скажем, применение рычага — достаточно прочной палки — или подкоп под каменную глыбу со стороны пропасти).

Проанализируем каждый из этих двух возможных способов решения проблемы под *социальным* и *экономическим* углом зрения, уже отвлекаясь от ситуации “горной тропы”. Но предварительно надлежит отметить, что наличие этих двух, в определенном смысле противоположных способов материально-производственной деятельности не означает, что каждый из них присущ в “классической” форме тем или иным обществам, группам или индивидам. Они ситуативно доминируют в любой человеческой деятельности, и каждый может возмещать те или иные недостатки другого, как и придавать ему совершенство, о чем речь пойдет несколько позже.

Первый способ, конечно же, является социальным, или *социативным*. Он элементарно прост и предполагает сложение индивидуальных физических усилий, кооперативное действие, не требующее, как говорится, большого ума. Понятие этого способа действий не сводится к кооперации. Смысл его значительно шире, ибо акцент в нем смещен на мотивацию, движущие силы коллективных действий и социальную психологию людей. Но применение этого способа для осуществления какой-либо индивидуальной цели становится возможным лишь тогда, когда прибегающий к нему индивид уверен, что другие придут ему на помощь. Для этого необходимо, во-первых, чтобы эти другие были в наличии (и в необходимом количестве) и, во-вторых, чтобы в их среде существовал институт взаимного доверия и взаимопомощи. Иными словами, социативный способ наиболее всего применим тогда, когда люди готовы помогать друг другу и когда в сообществах людей сложились нормы коллективистских отношений. Институт взаимного доверия и взаимопомощи может быть результатом культурных традиций, но в генезисе сообществ отношения взаимопомощи продиктованы отнюдь не альтруистскими настроениями или моралью, а личной материальной зависимостью от других (“Если я помогу ему сегодня, то он поможет мне завтра; и если я не буду помогать другим, то другие не помогут мне в случае необходимости”).

Второй способ действий, определенный мной как индивидуальный, экономический, или *индивидуативный*, является по своей технологии и строению более сложным, ибо в решение жизненно важных материальных проблем вовлекает ту орудийную деятельность, которая требует “хитрости разума” (Гегель), то есть осмысленных в человеческой голове операций по эффектообразующему столкновению одних веществ и предметов природы (орудий труда) с другими (предметами труда). Этот способ проистекает либо из ситуации “обрубленных концов”, невозможности получения помощи со стороны других, либо из самодостаточности, волевой и интеллекту-

альной силы индивида¹. Последние, интросубъектные качества, проходят в своей истории длительную эволюцию, начиная с физически слабых гоминидов или первобытных людей и кончая практическим разумом и предпринимательской целеустремленностью современных индивидуалов.

Каждый из двух кратко охарактеризованных способов действий обладает как несомненными преимуществами, так и заметными недостатками или даже пороками. В чем выигрывает один способ, проигрывает другой. И в чем проигрывает первый, выигрывает второй. Причем предметное пространство этих выигрышей и проигрышей необозримо. Можно лишь охарактеризовать его некоторые горячие точки.

Итак, если социативный способ решения жизненных проблем людей направлен на их выживание, или, вернее сказать, на *элементарное обеспечение их материального существования*, то индивидуативный способ — на *экономическое преуспевание, максимум достижений*. В отношении первого способа это объясняется тем, что постоянная обращенность определенных категорий людей к сообществу и коллективности как к надежному средству обеспечения их существования заставляет их, в конце концов, переводить стрелку с материально-производственной деятельности на “деятельность общения” (К.Маркс) — на самоценность человеческих отношений и обрамляющие эти отношения духовность и нравственно-художественные ценности, оставляя где-то на задворках стремление к приобретению материальных благ в качестве инструментальных ценностей. В отношении же второго способа можно утверждать, что обращенность индивидов к внешним, предметным ресурсам отвращает их от единения с другими людьми и замыкает их интересы на этих ресурсах, на себе и своих близких, на таких сугубо “земных” вещах, как собственность, власть денег и богатство, свобода и независимость, которые выражают индивидуальное “всемогущество” человека, чаще всего оказывающееся призрачным. Генетически это связано с тем, что именно внутренняя природная слабость предчеловека призвала в свое время на помощь орудия труда в качестве экзотерических органов тела индивида (индивидоморфные орудия), а затем — и сообществ (социоморфные орудия). Этот фактор, очевидно, усиливаемый действием своеобразных законов форсирования социокультурного развития человечества, и привел к появлению той крайности, или той определенности, которая может быть названа индивидуацией, а ее субъект-носитель — экономическим индивидуалистом. Глубокие мысли по этому поводу высказал в свое время Б.Спиноза: “По слабости своей природы мы необходимо должны что-либо любить и соединяться с ним, чтобы существовать... Всегда несчастен тот, кто соединяется с какими-либо преходящими вещами. Разум учит нас удаляться от таких вещей” [4, с. 121–122]. Более строгий и конкретный смысл индивидуативного образа жизни можно найти в словах Э.Фромма: “Создавая новые и лучшие *средства* для овладения природой, человек оказался пойманным в сети этих средств и потерял из виду цель, которая одна только и дает этим средствам смысл, — *самого человека*. Завоевывая природу, человек стал рабом

¹ Этот последний случай часто имеет место не только в сфере материального производства, но и в сфере воспитания, когда один ребенок постоянно нуждается в опеке и заботе со стороны родителей, нянек, учителей, а другой сердито и упорно заявляет или требует: “Я сам!”

машины, которую сделал собственными руками” [5, с. 12]. Соглашаясь со сказанным, вместе с тем можно его и оспаривать, ибо то, что написал Э.Фромм, — лишь часть правды. Другая же часть состоит в том, что человек без машины — жалкая и смешная смысложизненная идиллия. Но и не это главное. Главное в том, в руках (и в голове!) *каких* людей находится машина: если она становится самоцелью (чтобы делать при ее помощи все новые и новые машины для получения прибыли), то это, разумеется, плохо; если же она мыслится и воспринимается только как средство, то человек из отчужденного состояния возвращается к самому себе, обретает самоценность. Все зависит от общественных отношений, в пределах которых производятся и используются машины.

Все это означает, что социативный способ решения жизненных проблем непосредственно *выигрывает в социальном* отношении и *проигрывает в экономическом*, в то время как индивидуативный — *выигрывает в экономическом* и непосредственно *проигрывает в социальном*.

Социативный способ материально-производственной деятельности, апеллирующий к человеческой коллективности — к душам, симпатиям и привязанностям людей, прокладывает прямые и всем понятные пути к достижению материально непритязательных целей. Достижение успеха экономическим путем, индивидуативным способом, наоборот, обязательно предполагает сложность и предельную рациональность действий — максимум успеха при минимуме затрат, а также неизбежное при этом соперничество с другими. Здесь не может быть простоты и прямолинейности эффектообразующего действия. Апелляция к собственному разуму и волевым усилиям означает в этом случае построение таких сложных технологий, составляющими и фазами которых являются знание свойств преобразуемых предметов труда, адекватный им выбор имеющихся или проектируемых орудий труда и, наконец, знание ситуаций, при которых предмет и орудие надлежащим образом могут вступить в такое взаимодействие, чтобы был получен ожидаемый результат. Схематика и принципы построения этих сложных технологий, касающихся вещества природы, неизбежно экстраполируются на человеческие отношения в условиях присущего индивидуализированным обществам всеобщего соперничества: хитрость, имитационные игры и социальная мимикрия становятся непрременными составляющими этих технологий. Во всех случаях для индивида важен ожидаемый результат. Что же касается физической деятельности индивида — “самого труда”, по Марксу, — то она в силу своей ограниченности и заведомой несоразмерности с этим ожидаемым результатом является рационально организованной, то есть минимальной. Основные затраты ложатся на человеческий разум, потенциальная *производительная мощь которого не знает границ*. Этот особо важный момент следует подчеркнуть при сравнительной характеристике социативного и индивидуативного способов производственной деятельности: если кооперация элементарных (моторных, физических) усилий людей *имеет свой очевидный пространственный и технологический предел*, то комбинации веществ и сил природы, осуществляемые с помощью “хитрости разума” [6, с. 357], такого *предела не имеют*. Отсюда — установка коллективности на ограниченность и постоянство, а индивидуальности — на устремленность в бесконечность.

Таким образом, социативный способ решения материально-производственных проблем предполагает наличие нравственных устоев, душевную непосредственность и прямолинейность этики¹, одновременно стимулируя и поддерживая их простотой сложения физических усилий взаимно солидарных людей, в то время как индивидуативный, или экономический способ обязательно предполагает естественнонаучные, технико-технологические и организационные знания и развитие познавательных способностей человека. *Социативный способ эксплуатирует человеческую мораль, индивидуативный — человеческий разум.* Не этот ли смысл заложен в античной мифологии, где открытой, нравственной и физической, силе титанов противопоставят коварство и хитрость умных богов?

Но почему же все-таки без индивидуализма (эгоизма) “у человека не будет головы”, не разовьются его умственные задатки? По той причине, что *социативный способ решения проблем не нуждается в экономическом поведении людей, а значит и в стимулировании умственных усилий.* Чтобы призвать на помощь соседей, друзей, знакомых, односельчан или скооперировать элементарный человеческий труд, как уже было отмечено, не требуется особых затрат ума. Зато умственные усилия становятся необходимыми тогда, когда возможности подобного кооперирования нет или когда этой элементарной кооперации недостаточно для решения сложных и неординарных проблем. В этом последнем случае мы сталкиваемся с еще одним существенно важным водоразделом социативного и индивидуативного способов. Речь идет о предельно обобщенных противоположных характеристиках того и другого — об *определенности* социации и *неопределенности* индивидуации. Столь необычные на первый взгляд характеристики, разумеется, требуют обстоятельных комментариев и пояснений.

Определенность как характеристика социативного способа означает такие близкие по смыслу и значению его особенности, как системная замкнутость, ограниченность, неподвижность (циркулятивное движение), постоянство, консервативность, или рутинность, а также тоталитарность, конформность, экстенсивность деятельности. В свою очередь, свойство неопределенности, присущее индивидуативному способу, означает системную открытость, нестабильность, подвижность (релятивность), инновационность, свободу выбора и интенсивность деятельности. Определенность как преданность и подчинение сложившимся нормам и ценностям, как идеократия и стремление людей к ограничению, консервации и постоянству своего миропорядка проистекает из того очевидного обстоятельства, что взятый

---

¹ В 1980 году, выступая на организованном редакцией журнала “Вопросы философии” круглом столе “Производительные силы как философская категория”, И.Н.Сиземская высказала верное, на мой взгляд, суждение: “Если на производство общественного богатства оказывает непосредственное влияние, скажем, рост нравственного сознания, то это свидетельствует о включенности его в состав производительных сил, хотим мы этого или не хотим. И в построении модели производительных сил этот факт должен найти отражение” [7, с. 105]. Рост нравственного сознания в данном случае не обязательно проистекает из тех производственных отношений, в рамках которых функционируют эти производительные силы. Он может быть вызван традициями, сложившимся типом духовной культуры как суммарным продуктом действия производственных отношений минувших эпох.

людьми на вооружение, по доброй воле или в силу необходимости, социативный способ материального производства принципиально и технологически ограничен в своих продуктивных возможностях, особенно там и тогда, где и когда орудия труда, техника и организация производства развиваются медленно и тяготеют естественным образом к примитивным схемам кооперированной деятельности. Проще выражаясь, производство, осуществляемое по таким схемам, движется по определенному замкнутому (или почти замкнутому) кругу. Неопределенность, напротив, возникает вследствие непрерывных изменений вещественного фактора производства, когда последнее не только долго “не засиживается” на достигнутых технико-технологических и организационных преобразованиях, но и все более убыстряет свой бег до бешеного аллюра, подчиняясь цели умножения богатства и благ его инициаторов. И подобно тому, как рутинность общественной жизни при гипертрофии социативного способа материально-производственной деятельности повергает эту жизнь в состояние упадка и застоя, неудержимое и безостановочное галлопирование производства, а значит и всей общественной жизни, заставляет задыхаться людей от непрестанного ненужного бега и вызывает в них состояние психопатического страха и шока, лишая их прочной, *определенной* психологической основы бытия. Так рождается феномен *неопределенности*. И он заслуживает особого рассмотрения.

Понятие неопределенности в последние годы все чаще употребляется в индивидуализированном обществе западными философами, социологами, экономистами, психологами и кибернетиками. Каждый из представителей различных наук вкладывает в него специфический смысл, вместе с тем оставляя в нем место для более абстрактного смысла, предполагающего последующую его генерализацию. Из словаря науки это понятие перешло в словарь политики. Экс-президент США Джордж Буш-старший после распада “советской империи”, долгое время носившей на себе ярлык “врага номер один”, счел за необходимое навесить этот ярлык на более страшного, анонимного врага, коим, по его словам, “является неопределенность, непредсказуемость и нестабильность” [цит. по: 3, с. 104]. В узком и привычном для нас экономическом смысле неопределенность представляет собой *ситуацию* риска, когда любое принятие решения сопряжено с возможностью ошибки и просчета, влекущих за собой материальные потери и издержки. В современном бизнесе, стремящемся минимизировать возможность таких ошибок, помимо организационной “диффузии риска” существуют математический аппарат, с помощью которого просчитывается вероятность ошибки (теория вероятности), определяется технология выигрыша, “глубина имитации” в соперничестве с контрагентами (теория игр), а также иные процедуры, формализацией которых занимается социокибернетика. Поскольку риск (неопределенность) неизбежен вследствие открытости экономических систем, любая инновационная частнособственническая деятельность включает в себя *x*-элемент и сопряжена с *x*-эффектами.

В более широком смысле неопределенность, о которой говорил Джордж Буш-старший, может быть обозначена как *социальный иррационализм индивидуального рационализма* в его высшей фазе или как рассыпавшийся на дробные частицы “исчезающий” мир, который, даже будучи собран воедино, лишь усугубляет хаос и стохастику враждебных нравственному (незаин-

тересованному) единению гипертрофированных “эго”¹. Индикаторами неопределенности общества и личности становятся скоротечность идентичностей и “протеевская множественность” идентификаций², а также жизнь по принципу *hic et nunc* — *здесь и сейчас* (активно навязываемому образу жизни современных “постсоветских” людей, особенно молодежи, и напоминающему стародавний принцип *carpe diem*). Доклад Пьера Бурдьё на декабрьской 1997 года международной конференции в Гренобле был озаглавлен весьма характерно: “Неопределенность присутствует сегодня повсюду”. По словам ученого, неопределенность — это широко распространенная и наиболее болезненная черта современных социальных условий, о которой французские теоретики все чаще говорят как о *precarite*, немецкие — как об *Unserheit* и *Risikogesellschaft*, итальянские — как об *inecertezza*, английские — как об *insecurity*. Глубоко не вникая в сущность и генезис этого явления, П.Бурдьё прежде всего обращает внимание на его социально-этические последствия: “Лишая будущее предсказуемости, чувство неопределенности налагает запрет на любое рациональное ожидание и особенно на тот минимум надежды, который необходим для проявления протеста, особенно коллективного, против реальности, пусть даже самой нетерпимой” [цит. по: 3, с. 187]. Предъявляют свой счет феномену неопределенности и политэкономы, вводя в обиход понятие *политической экономики неопределенности* и трактуя ее как набор “правил, отменяющих всякие правила” [3, с. 150]. Но чем же, в конце концов, вызван этот феномен?

На мой взгляд, тем уровнем развития производительных сил и, прежде всего, их субъективного компонента — научных знаний, который, будучи адекватным индивидуативному способу производственной деятельности, подошел к критической черте познавательных *человеческих возможностей*, реализующих себя в крайне индивидуалистической форме. Наука, становясь непосредственной производительной силой и приближаясь к обозначенной критической черте, подводит к ней и человеческую личность, и все человечество со всеми их материальными и духовными богатствами, с их образом жизни. Эта критическая черта, детище “научно-технического про-

¹ Ульрих Бек, автор известной книги “Общество риска”, в одном из своих очерков пишет: “Из постепенно исчезающих социальных норм проступает обнаженное, перепуганное, агрессивное “эго”, ищущее любви и помощи. В поисках самого себя и любящей общности оно легко теряется в джунглях собственного Я... И каждый, кто блуждает в тумане собственного Я, более не способен замечать, что это изолирование, эта “одиночная камера для эго”, отражает приговор, вынесенный всем” [цит. по: 3, с. 63]. Это высказывание можно продолжить словами З.Баумана: “В результате “личное” и “общественное” позиционируются в двух разных мирах, не связанных друг с другом. В каждом из этих миров действует своя логика, практически непонятная в другом мире” [3, с. LIII].

² Об этой последней Стив Дэвис писал: “Овидиевский Протей, который мог по первому своему желанию превратиться из юноши во льва, в дикого медведя или змею, в камень или дерево, и Хамелеон, этот великий магистр мгновенных реинкарнаций, стали символами новой человеческой добродетели саморазвития и самоутверждения” [3, с. 179]. Эрик Хобсбаум дал скептическую оценку надежности идентификаций: “Люди ищут группы, к которым они могли бы принадлежать устойчиво и долго, в мире, где все движется и перемещается и ничто не является надежным”, а Джек Янг придумал острогу и язвительность этому выводу: “Как только сообщества распадаются, изобретается идентичность” [3, с. 190].

гресса”, явилась как следствием развития науки *вширь* и *вглубь*, эскалирующего и наваливающего на человека непосильным грузом все новые и неотложные проблемы, так и результатом индивидуалистического способа их решения. Этот последний означает капиталистическую борьбу за первенство, за превосходство и преобладание. А поскольку все это дается путем конкуренции, бешеной товарной и “процентной” гонки, то убыстрение бега и проявляется в образе и стиле жизни конкурирующих людей как состояние и ощущение *неопределенности*. Для понимания такой ситуации можно сослаться на простой пример: вы как участник ралли мчитесь на гоночном автомобиле, и пока вы едете на малой и средней скорости, все встречные предметы различимы и четко воспринимаются вами; но вот вы набираете скорость, доводите ее до предела — и ранее различимые предметы в одно мгновение сливаются в единообразную серую полосу *неопределенности*, о которую вы в любой момент можете разбиться и которая повергает вас в “тибельный восторг”! Таково состояние экономического гонщика. Выход здесь один: *индивидуальность* должна освободиться от *индивидуализма*, радикально изменить парадигму своего существования¹. Только при этом условии неопределенность может уступить место определенности, прекратив на какое-то время стремительный бег и дав человеку, так сказать, отдохнуть на ценностях нравственно-эстетической жизни и “деятельности общения”. Именно такая парадигма бытия автоматически снимает все или большинство проблем либо делает их решение необязательным. Если З.Бауман считает, что неопределенность наших дней является могущественной *индивидуализирующей* силой [3, с. 30], то в равной мере можно утверждать, что господство индивидуативного способа решения проблем усиливает и закрепляет в жизни общества и личности состояние неопределенности.

Состояния определенности и неопределенности нуждаются, наконец, в морально-психологической оценке. Эти оценки неоднозначны. Не в силу субъективно одностороннего подхода к трактовке феномена неопределенности, а вследствие имманентной ей функциональной неоднозначности. И.Валлерстайн, к примеру, утверждает, что “неопределенность прекрасна, а определенность, имея она место на самом деле, означала бы моральную смерть”. И далее он так обосновывает высказанную им мысль: “Знай мы наверняка наше будущее, не существовало бы нравственного побуждения предпринимать что бы то ни было. Мы были бы вольны потакать любым страстям и пестовать свой эгоизм, поскольку все действия укладывались бы в рамки предписанной определенности. Если же ничего не определено окончательно, то будущее открыто для творчества — как человеческого, так и всей природы” [8, с. 9]. В то же время, на мой взгляд, подобная оценка носит односторонний характер. Определенность имеет свои положительные стороны. Социативный способ, если он поддерживает и воспроизводит сред-

¹ Сколь нелепыми и безрассудными выглядят подчас американские кинобоевики — эти продолжатели либерализированных “вестернов” и комиксов, — когда герои-одиночки вступают в смертельную схватку с целыми отрядами врагов-бандитов или врагов-марионеток. Стереотипный сюжет этих примелькавшихся кинобоевиков с мордобоями и смертями может быть назван известной поговоркой: “Одним махом семерых побиваю”. И хочется крикнуть изнемогающему от сверхусилий герою-одиночке: “Что же ты надрываешься, когда можно призвать на помощь друзей или обратиться в полицию!”

ний уровень жизни (или, по крайней мере, сносный), рождает уверенность, спокойствие и оптимизм, даже если они имеют мифический или иллюзорный характер, в то время как индивидуативный — беспокойство и страх: у бедных и затравленных — страх перед неизвестностью и обездоленностью, у богатых — страх перед угрозой возмездия за непомерно роскошную жизнь и возможностью лишиться своих преимуществ и благ. Неопределенность обесмысливает человеческую жизнь, делает хрупким и неустойчивым бытие личности, определенность наполняет ее устойчивым внутренним содержанием¹. Таким образом, оценки неопределенности и определенности носят полярный характер тогда, когда мы рассматриваем эти составляющие человеческой жизнедеятельности в разъятом, односторонне довлеющем порядке, забывая о том, что они в жизнедеятельности индивида или группы чаще всего соединяются или чередуются друг с другом. Похоже, большинству из ныне живущих людей приходится выбирать между “пагубной самонадеянностью” коммунистов (Ф.Хайек) и “неврастеническим страхом” индивидуалов (У.Бек, З.Бауман) либо, наконец, смело и решительно идти навстречу вызовам времени.

К наиболее существенным и заметным проявлениям определенности социативного и неопределенности индивидуативного способов материально-производственной деятельности людей принадлежат *консервационность* первого и *изменчивость* (инновационность) второго². Консервационность как постоянство общественных укладов и образа жизни в условиях господства социативного способа производственной деятельности вызывается не только простотой и рутинностью самого этого способа, но и готовностью людей к его приятию и пользованию им, то есть их установками на коллективистскую взаимоподдержку и взаимопомощь. Последние могут исчезать, разрушаться с появлением тех орудий труда, которые наглядно демонстрируют производительное превосходство техники над кооперацией, но могут и оставаться как в силу инерции, так и благодаря пониманию нежелательных, индивидуалистического толка последствий применения технических устройств и угрозы коллективистским ценностям. Преимущество индивидуации перед социативным способом трудовой деятельности состоит в том, что если последний останавливается перед ситуацией неопределенности, где требуются принципиально новые технологии и подходы и где элементарное сложение индивидуальных усилий ничего не дает, то первая по большей части имеет дело с неопределенностью, то есть ориентирована на творчество. Иными словами, *социации изначально чужд дух новаторства и творчества*, являющихся прерогативой индивидуации. Инновационный дух этой последней, отмеченный в свое время К.Марксом применительно к капиталистическому способу производства (“капитализм не может существовать, не производя постоянных переворотов в своем техническом базисе”), воплощаясь в практику современного бизнеса, только усиливает реля-

¹ Нельзя не вспомнить в связи с этим высказывание Василия Шукшина: “Нам бы с нашими большими скоростями не забыть, что мы должны *быть*...” [9].

² Автор намеренно ушел от такого термина, как «консерватизм», поскольку за ним закрепился смысл чего-то негативного и общественно осуждаемого, в то время как «консервационность» — более нейтральный термин, допускающий как положительную, так и отрицательную оценку обозначаемого им явления.

тивистскую неопределенность в экономической жизни, ибо большой бизнес намеренно усиливает гонку товарного производства при помощи индустрии НИОКР (институтов научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок) для *разовой* эксплуатации инновационных идей (единственного, что еще способно приносить прибыль), тиражирование которых в условиях сверхпроизводства теряет всякий смысл.

Наконец, говоря об определенности социативного и неопределенности индивидуативного способов материально-производственной деятельности, следует коснуться и таких их модификаций, как *экстенсивный* и *интенсивный* методы хозяйствования. *Социации свойственен прежде всего экстенсивный метод, индивидуации — интенсивный*. Экстенсивный рассчитан на увеличение выпуска тех или иных товаров путем объемного (пространственного) наращивания производственных мощностей *одного и того же* технико-технологического и организационного уровня или качества. Применение этого метода предполагает увеличение рабочих мест (а значит, и количества работающих) без повышения их технического и квалификационного уровня. В отличие от него интенсификация рассчитана на увеличение производительности труда или получение его конечного результата при уменьшении затрат и ресурсов, что достигается благодаря внедрению организационно-технических и технологических новшеств. Именно первый, экстенсивный метод производственной деятельности легко вписывается в социацию (консервационность), ибо только наращивание затрат физического труда при одном и том же уровне технической и энергетической вооруженности (при всем своем карикатурном виде!) способно увеличивать объем выпускаемой продукции. Интенсивный же метод полностью совпадает с индивидуацией, ибо, допуская различного вида комбинации кооперативных усилий, он, тем не менее, ориентирован на их сокращение и на повышение эффективности живого индивидуального труда за счет инновационных привнесений, постоянной изменчивости и творческого применения прошлого овеществленного труда (техники и научной организации).

Экстенсивный метод хозяйствования характерен для феодального общества, государственно-общинных образований. Тяговая сила, энергия воды и ветра, ручной физической труд, оснащенный элементарными техническими устройствами и примитивными орудиями труда (мотыга, плуг, ворот, рычаг и т.д.), — такие производительные силы регенеративного, самовоспроизводящегося циклического характера веками оставались неизменными, и увеличение общественного богатства в этом случае только и могло осуществляться за счет расширения территорий и производственных ареалов, что в древние века было возможно и являлось единственным источником такого увеличения. По этой причине массовые войны за захват чужих территорий в период общинно-племенных империй и раннего Средневековья представляли собой своеобразный *милитарный* способ производства, носивший характер ярко выраженной экстенсивности. Пришло время мировой технической цивилизации, и экстенсивный метод хозяйствования в условиях раннесоциалистических, коллективистских обществ предстал в новом своем облике. На сей раз — смехотворном (гигантомания типа “самая крупная в Европе домна”).

В 1980-е годы в СССР со всех трибун звучали призывы к переходу на новые, интенсивные методы хозяйствования. Положения о необходимости та-

кого перехода проходят красной нитью через Материалы XXVI съезда КПСС, где на различных страницах то и дело выделялись курсивом слова об “обеспечении ускорения научно-технического прогресса и переводе экономики на интенсивный путь развития”, о том, что необходимо “настойчиво повышать эффективность общественного производства на основе его всесторонней интенсификации”, что “развитие науки и техники должно быть в еще большей мере подчинено решению экономических и социальных задач советского общества” [10, с. 139, 141, 143]. Пять лет спустя, на XXVII съезде прозвучали те же призывы-заклинания: “осуществлять крутой поворот к интенсификации производства” [11, с. 141], “повышение темпов должно достигаться на принципиально новой основе — на основе всесторонней и последовательной интенсификации” [11, с. 289]. “Наша экономика, — заверяли нас в Материалах съезда, — вышла на такой рубеж, когда она может развиваться, и развиваться быстро не за счет все большего наращивания ресурсов, как это было раньше, а путем всесторонней интенсификации производства — интенсификации по всему фронту” [11, с. 289].

“Крутой поворот” и “интенсификация по всему фронту”, однако, не состоялись. Не позволил основной принцип социализма: “Все — для человека, все — во имя человека”. Широко разрекламированный к тому времени “щекинский метод” (попытка на Щекинском химическом комбинате Тульской области выполнять запланированный объем работ “меньшим количеством людей”) остался на уровне очередного помпезного призыва. Социативный способ решения проблем, обросший бюрократическими партийно-государственными институтами, продолжал выполнять свою рутинную задачу по умножению всесоюзной кооперации труда: вместо увольнения избыточных рабочих с предприятий промышленности, чего жестко требовал рациональный метод индивидуации, на базе прежней, устаревшей техники и технологии в Союзе там и сям строились новые предприятия, призванные раскрыть объятия далеко не лучшей части рабочего класса¹. Сигналом бедствия подобного рода, начиная с 1960-х годов, стал вопиющий разрыв между количеством поданных и количеством принятых рационализаторских предложений (“рацпредложений”) и еще больший разрыв между количеством принятых и количеством реализованных. Причина, уже по тем временам, была ясна: всякое внедрение новшеств, во-первых, угрожало выполнению плана (месячного, квартального, годового) из-за временной приостановки предприятия или отдельных цехов для реконструкции, модернизации и, во-вторых, было чревато сокращением штатов, особенно рабочих, чего допустить никак нельзя было, ибо “безработицы у нас не может быть”. Ложно трактуемый гуманизм стал тормозом научно-технического прогресса и надежным прикрытием для бездельников и разгильдяев. Консервативный позитив социативного способа хозяйствования на базе техники и технологии вчерашнего дня оказался несостоятельным. Советский Союз как раннесоциалистическое образование рухнул.

¹ В первой половине 1980-х годов во время запланированного похода сотрудников Института философии АН УССР на Киевский комбинат строительных материалов на неуклюжий и наивный вопрос одного из моих коллег: “Как вы осуществляете отбор поступающих к вам на работу?” — руководитель предприятия с иронией ответил: “Очень просто: берем всех подряд, даже дебилов”.

Социативный и индивидуативный способы материально-производственной деятельности были рассмотрены мной в отвлечении от их функционирования в системе тех или иных обществ, их конкретно-исторических типов. Выше отмечалось, что социация и индивидуация существуют не в “чистом” виде, а как доминирующие способы хозяйствования и трудовой деятельности. Более пространную их характеристику можно получить, выяснив, в каких конкретно-исторических формах они существовали (существуют) и как взаимодействуют друг с другом в пределах того или иного общественного строя.

Социативный способ в ходе своего исторического развития выступал преимущественно в двух формах — в форме добровольного единения, *взаимного согласия* и в форме социального, внеэкономического *принуждения*. Первая была характерна для первобытнообщинного строя, низкий уровень производительных сил которого *понуждал* людей к коллективному способу существования, а также для тех стран и народов, которые на основе технически возвысившихся производительных сил вплотную подошли к экономическому (капиталистическому) способу жизнедеятельности и менталитет и исторические традиции которых продолжали их удерживать в рамках привычной для них социации. Вторая форма была присуща государственно-племенным и феодально-крепостническим обществам, в которых социация приобрела принудительный характер в условиях сословного разделения на привилегированных и подневольных людей кооперативного труда. Рациональный исторический смысл этой формы заключался в том, что рассечение общественного труда по принципу “функций головы и рук” (К.Маркс) способствовало духовно-эстетическому и научно-познавательному развитию общества. Различие между добровольной и принудительной формами социации не нуждается в пространных объяснениях: первая предполагает “щадящий режим”, а в некоторых ситуациях — трудовой энтузиазм и самоизнурение, что же касается второй формы, то она, по большей части, означала принудительный непосильный, каторжный труд.

В индивидуативном способе труда и производства также можно выделить две исторические формы — *трудовую* и *эксплуататорскую*. Трудовая существует там и тогда, где и когда в производственном процессе доминируют его вещественные и организационные факторы, приводимые в движение трудом самого индивида. Эта форма существует с давних времен, при всех общественных строях, то преобладая в их рамках, то играя второстепенную, вспомогательную роль. Эксплуататорская форма индивидуации возникает с появлением частной собственности на средства производства на том уровне развития, когда ее субъект-индивид перестает принимать непосредственное участие в процессе производства товаров или услуг и вся его умственная деятельность сводится к организационно-расчетным и планирующим операциям. Во всех случаях индивид при этом работает прежде всего головой.

Рассматриваемые способы материально-производственной деятельности не разведены по “разным углам”. Превалируя в разных ситуациях, они вместе с тем взаимодействуют в пределах того или иного общественного строя. Возникнув на основе гregarных связей (стадности), социативный способ существования первобытных людей обусловил по существу орудийную деятельность человека. Силового (физического) доминирования отдельных особей, сколь бы оно ни было развито в первобытном стаде, стано-

вилось уже недостаточно даже для их выживания и воспроизводства в условиях изменившейся аутоэкологии. Органическая эволюция гоминидов переросла в неорганическую эволюцию первобытных людей, компенсировавших недостатки отправления своих важнейших физиологических функций созданием искусственных экзотерических органов — примитивных орудий труда. Бремя эволюционных изменений легло, таким образом, не на органику человека, а на систему созданных им внешних, экзотеризированных “органов” его тела (вначале палки, камни, а затем — скребки, топоры и копья). Возникает вопрос: *кто* из особей гоминидного стада стал первым человеком, кто первым *создал* орудие труда? История давно уже ответила на этот вопрос: органически *слабые* особи стада [12; 13; 14]. Имитируя спорадически возникающие ситуации в охоте на больших зверей, они воссоздавали образные картины вначале использования, а затем и случайного изготовления орудий труда. Усваивая эту образную информацию (кинестические жесты), сильные особи стада постепенно научились изготавливать орудия, оптимально приспособленные к стандартным ситуациям охоты. И на основе соотнесений этих стереотипных ситуаций охоты со свойствами адекватных им “веществ природы” (К.Маркс) формировалось сознание первобытного человека. Уже, как видим, в самом генезисе человеческого общества появляются “интеллигенты” (органически *слабые* особи) и “рабочие физического труда” (органически *сильные* особи). Первые на чисто *индивидуальном* уровне выполняли *умственные* функции, вторые преимущественно на *социальном* (грегарном, стадном) уровне — *физические*. *Слабость силы* уступила место *силе слабости* — таков был первый прорыв из животного царства в человеческую историю. Индивидуативный и социативный способы первобытной деятельности равным образом были присущи жизни орды и общины¹. Лишь когда первые, примитивные орудия труда нашли себе широкое применение и на их основе социогенерирующая роль первобытной коллективности стала главной, на долгий период человеческой истории в ней воцарился социативный способ трудовой деятельности.

Основания социативности были подорваны с появлением лука и стрел, в связи с чем стала возможной индивидуальная охота. Даже в облавной охоте на больших зверей впервые дикари начали прибегать к долевному распределению добычи: по свидетельству Р.Эспинаса, во многих общинах и родах дележ туши убитых зверей касался только тех, чьи стрелы были обнаружены в тушах. Повышение роли индивидуативного способа трудовой деятельности объяснялось еще и тем обстоятельством, что переход от малых контактных групп к большим общностям (племенам, родоплеменным объединениям) ограничил на их уровне возможности и надобность кооперирования индивидуальных действий. Пожалуй, единственной социацией, где эти действия приобретали массовую форму, силу и эффективность, были набеги и военные походы. Переход к сельскому хозяйству, промыслам, ремесленничеству требовал, с одной стороны, усовершенствованных орудий тру-

¹ Немецкий исследователь Ф.Кликс, тщательно изучавший орудия труда времен палеолита, писал: “Различия качества орудий не могли не выступать на первый план по мере увеличения их сложности. Это находило выражение в возникновении дифференцированной социальной оценки индивидуальных достижений, которая определяла как авторитет производителя орудий, так и его самооценку” [13, с. 53–54].

да, индивидуации, с другой — дробления племен в связи с расширением ареалов на малые контактные группы, которые не могли обойтись без социации. Гармонический строй сельских общин с их натуральным хозяйством на долгие века запрограммировал консервационность и рутинность образа жизни, их “удивительную живучесть” (К.Маркс). Превалирующей в них простой физической труд высвободил духовную энергию как для “деятельности общения”, так и для “праздного любопытства”, стимулирующего работу познающего разума и рождающего не только мифы и утопии, но и вполне реальные проекты. Индивидуация в таких условиях нередко приобретала латентную, невидимую форму: волевая энергия и разум индивидуалов устремлялись к поиску и созданию универсальных средств производства, при помощи которых можно было бы решать самые сложные производственные проблемы. И такие универсальные средства были созданы, причем самым легким путем — посредством превращения одушевленного человека в неодушевленный предмет — в “говорящее орудие” или “умную машину”¹. Речь, разумеется, идет о классическом рабстве. В отличие от домашних рабов, купленный раб превращался в орудие труда и вещьную собственность, что делает проблематичным решение вопроса о том, имеем ли мы здесь дело с социацией (в варианте внеэкономического принуждения) или индивидуацией в самом жестоком, изощренном виде.

От более “мягкого” и гуманного домашнего рабства нити исторической эволюции протянулись к государственно-общинному строю, сливаясь с деятельностью сельских общин, где явно преобладали и консервировались социативные начала. Это не означало, однако, что формирующийся феодальный строй предполагал исключительно социативный способ хозяйствования. В орбиту функционирования этого строя, где уже стали заметными и общественное разделение труда, и усиливающийся товарный обмен, все более активно втягивалась деятельность городских ремесленников, купцов, ростовщиков со всеми ее атрибутами индивидуации. Социация, как и усиливающаяся индивидуация, носила сословно-классовый характер, и первая подчиняла себе вторую на основе господствующих отношений внеэкономического принуждения. Когда индивидуативный способ деятельности, подчинявшийся этим отношениям, приобрел характер критической массы, капиталистический индивидуализм подорвал существующий порядок вещей и, проложив дорогу буржуазной свободе и демократии, покончил с внеэкономическим принуждением. Исторический процесс был подчинен капиталистическому алгоритму экономической максимизации.

Можно было бы дальше продолжать исторический обзор функционирования и развития в человеческом обществе двух основных способов материально-производственной деятельности людей, но уже сказанного вполне достаточно, чтобы сделать некоторые выводы и обобщения.

Предложенные мной понятия социативного и индивидуативного способов производственно-трудовой деятельности призваны отразить социально-групповые и личностные эффекты (результаты) человеческих взаимодействий в процессе общественного труда и производства. Такие эффек-

---

¹ Древнеримское *servus* (раб) и древнеславянское *рабъ* были неодушевленными существительными (“вижу рабъ”, как написано в одной из старославянских рукописей).

ты-результаты проявляются двояким образом: во-первых, как востребованность индивидуальным или групповым (коллективным) способами действия вполне определенных, специфических для каждого из них социальных статусов, ролей и человеческих (личностных, поведенческих, психологических) качеств и, во-вторых, как общественно-групповые и личностные поведенческие последствия реального применения (функционирования) этих способов. Методологическая роль понятий социации и индивидуации этим, однако, не ограничивается. В них, как мне представляется, сращиваются воедино действие объективных законов с их механизмами, что, во-первых, объясняет востребованность определенных свойств человеческих взаимодействий условиями (ситуациями) материально-производственной деятельности, во-вторых, позволяет рассматривать объективные законы как результат действия (взаимодействия) человеческих сил и функционирования различных форм поведения людей и, наконец, в-третьих, дает основания считать, что во взаимодействии этих двух способов в историческом процессе прослеживается последовательная гомеостазирующая сменяемость одного другим.

Социативный способ ориентирован на практическую эффективность человеческой солидарности и единства; предполагает стандартные и рутинные (устоявшиеся) операции и приемы, основанные главным образом на сложении индивидуальных трудовых усилий с применением минимума орудий труда, и, в связи с этим, определенный, консервативный стиль жизни; культивирует аксиологическое отношение к действительности, нравственные и художественные ценности, поскольку непосредственно связан с “деятельностью общения”, и, наконец, ограничивается примитивными и вместе с тем устойчивыми во времени орудиями труда. В отличие от него индивидуативный способ ориентирован на разработку и применение сложных орудий труда, технических устройств и рациональной организации производства на основе принципа “максимум результата при минимуме затрат”; предполагает постоянное обновление и усовершенствование техники и технологии и в соответствии с этим утверждает инновационный стиль жизни; культивирует научно-познавательное и познавательно-практическое отношение к действительности, инструментальные ценности, так как ставит во главу угла решение производственных задач по удовлетворению материальных интересов людей, и довольствуется различными суррогатами коллективности. Таким образом, социативный способ деятельности реализует прежде всего *социальные* интересы людей, индивидуативный — *экономические*. Социация создает и воспроизводит духовно-нравственные начала их жизни, индивидуация — утилитарно-практические. Первая олицетворяет постоянство и воспроизводство, вторая — изменчивость и движение.

В практической жизни эти способы взаимопроникают, перемешиваются, создавая и поддерживая определенные, соразмерные с требованиями истории пропорции, всякий раз нарушаемое и всякий раз восстанавливаемое равновесие между экономикой и социальной жизнью людей. Есть основания полагать, что социация и индивидуация как противоположные и взаимопологающие алгоритмы человеческой истории лежат в основе ее циклического характера: в период доминирующей социации, когда общественное движение замедляется, технологизируется (формализуется) и общественная жизнь как бы замирает, идет процесс накопления тех духовных начал,

которые тренируя и возвышая свободную от непосредственного производства мыслительную деятельность, создают внутренние предпосылки для их стремительной практической материализации формирующимся для этого индивидуативным способом; в период доминирования последнего общество приходит в состояние быстрого обновления и движения (восходящий виток спирали), и чем больше накоплено в нем интеллектуальных и эвристических потенциалов, тем более стремительными темпами оно развивается, доводя общественную жизнь до изнеможения и социальной астении, синдром которой взывает к необходимости отдыха и остановки, то есть социации в ее новом, более высоком историческом качестве.

Литература

1. *Зиммель Г.* Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. — М., 1909.
2. *Суименко Е.И.* Диалектика становления и развития отношений коллективизма. — К., 1988.
3. *Бауман З.* Индивидуализированное общество. — М., 2002.
4. *Спиноза Б.* Краткий трактат о боге, человеке и его счастье // Избранные произведения. — М., 1957. — Т. 1.
5. *Фромм Э.* Человек для себя. — Минск, 1992.
6. *Гегель Г.* Наука логики. — М., 1974. — Т. 1.
7. Производительные силы как философская категория : Материалы круглого стола // Вопросы философии. — 1981. — № 4.
8. *Валлерстайн И.* Конец знакового мира. Социология XXI века. — М., 2003.
9. Его заповеди // Правда. — 1999. — 23–26 июля.
10. Материалы XXVI съезда КПСС. — М., 1982.
11. Материалы XXVII съезда КПСС. — М., 1986.
12. История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропогенеза. — М., 1983.
13. *Кликс Ф.* Пробуждающееся сознание. — М., 1982.
14. Методологические и теоретические проблемы исследования антропогенеза. — К., 1990.